

АДАЛИН ЧЕРНО

A man with long, wavy brown hair and a beard, wearing a light blue denim shirt, is looking intensely at a woman. The woman has long, straight blonde hair and is wearing a dark, distressed denim jumpsuit with a white cross-like patch on the chest. They are standing close together, with the man's hand near the woman's waist. The background is a dramatic, fiery red with dark, smoky elements, suggesting a high-stakes or action-oriented theme.

КОНТРАКТ НА ТЕЛО

Любовь без права выбора

Адалин Черно

Контракт на тело

«Автор»

2023

Черно А.

Контракт на тело / А. Черно — «Автор», 2023 — (Любовь без права выбора)

– В этом доме есть только два правила, – наставляет управляющая. – Не попадаться хозяину на глаза. И никогда не входить в его рабочую мастерскую. – А как же... ее убирать? – Никак. В мастерскую вхож только он. Без исключений. Это понятно? – Понятно. Я послана к нему в дом, чтобы узнать, какую картину он пишет, поэтому тем же вечером нарушаю оба правила. Попадаю в мастерскую Лавинского и сталкиваюсь с ним самим. Холодным, бесчувственным и жестоким. Он собирается вышвырнуть меня на улицу, но в последний момент отменяет приказ и предлагает свой договор. Контракт на тело и душу. В книге присутствует нецензурная брань!

© Черно А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Адалин Черно

Контракт на тело

Глава 1

Богатые мужчины интересуются девочками-моделями только в одном случае – если хотят взять их на содержание. Так всегда говорит мне мама, опасаясь, что я не смогу устоять перед роскошной жизнью, которую сулят деньги.

Мужчина, что сидит в нашей студии, безусловно, богат. А еще он иностранец. Приехал издалека, чтобы найти себе здесь девочку? Красивую и послушную, желательно из бедной семьи или вообще без родственников. Таких историй в нашем модельном агентстве хоть отбавляй.

Я слышала их от тех, кто работает здесь несколько лет, и кому не нужны были деньги. Остальных забрали и, как утверждают девочки, они больше не возвращались. Впрочем, и мир о них больше не слышал, что означает, что ни замуж им выйти за богача не удалось, ни сделать карьеру. Скорее всего, согрев постель одного мужчины, со временем приходилось искать другого.

Богатые мужчины пресыщаются девочками-моделями так же быстро, как однотипными завтраками несколько дней подряд. Это уже мой вывод. Правильный или нет – проверять не доводилось.

Мужчина, что разговаривает с нашим менеджером, вальяжно развалился на диване и смотрит на меня. Я знаю, о чем они говорят. Точнее, о ком. Обо мне. Когда проходила мимо, услышала: «Что скажешь? Она мне нужна».

Мне неприятно. Липкий холодок страха стекает по спине одинокой каплей пота. Мне нужны деньги, но ложиться под богатого папика в мои планы не входит. Никогда не входило. Я пришла в модельное агентство, потому что тут платят больше, чем официанткам или уборщицам, потому что здесь гибкий график, а мне нужно присматривать еще и за больной мамой.

– Как думаешь, по чью душу? – спрашивает Анж, с которой мы сегодня на парных съемках нижнего белья.

– Не знаю. Будем надеяться, что не по нашу.

Анж тихо смеется и уходит в гримерку готовиться. Она сегодня немного опоздала, поэтому нам с фотографом приходится ее ждать.

Ближе к съемкам мужчина-иностранец покидает нашу студию. Я расслабляюсь, когда понимаю, что наблюдать он не будет, так что съемки получается провести отлично. Дальше мы переодеваемся, собираемся уходить.

– Полина, задержись! – летит мне в спину от менеджера.

Анж смотрит на меня с сожалением и машет на прощание рукой. Она единственная, кроме нашего менеджера Александра, кто знает о моем плачевном материальном положении.

– Я не буду! – заявляю Саше сразу. – Что бы он ни предлагал – даже слушать не хочу.

– А если я скажу, что в условиях тело не значит? – с улыбкой говорит Саша.

– А что?

– Вот, – он перебрасывает на мою сторону стола папку, вынуждая меня присесть. – Это контракт. Почитай его, что не нравится – скажи. Ты говорила, тебе срочно нужны деньги, а заказчику нужна красивая девушка.

– И зачем же?

– Почитай.

Из контракта на несколько страниц мой мозг выуживает главные тезисы: «горничная», «месяц» и «оклад». От цифр в этой графе у меня меркнет перед глазами, потому что их совершенно точно хватит на операцию, которая так нужна моей маме. Только вот все вместе эти слова не помещаются в одну графу. Работа горничной никак не вяжется с такой суммой заработной платы. Разве что хозяин дома какой-нибудь извращенец, который хочет любоваться, как убирает полуголая девица. Но это сразу нет.

– Это – официальный контракт, – улыбается Саша.

– А в неофициальном что? Я должна ходить с анальной пробкой и в пеньюаре?

У Саши округляются глаза, а затем он смеется.

– Откуда у девственницы такие слова в лексиконе?

– Часто смотрю порно, – фыркаю.

На самом же деле наслушалась.

– Значит, все-таки девственница? – лукаво спрашивает менеджер.

– Ну тебя! Что за «неофициальный контракт»?

– В дополнение к работе горничной тебе нужно будет кое-что сделать.

– И что же?

– Не переживай, ничего криминального и порнографического. Ты должна будешь найти картину.

– Картину?

– Так, ладно...

Саша плюхается на свое место за стол и придвигается ближе.

– Устроиться горничной нужно в дом к известному художнику Яну Лавинскому. Слышала о таком?

Мотаю головой. Где я и где творчество? Мне голову поднять часто некогда, а тут еще интересоваться художниками. Я вообще думала, что все, кто известен, давно умерли. Рембрандт там, Моне или тот же да Винчи. А из современных все себе на уме и ни разу не популярны.

– В общем... общественность уже больше года ждет от него картину. Наш заказчик – его друг и партнер, связанный с ним контрактом. У него – своя галерея в США, и он очень ждет новую картину от Яна.

– И? Он ему ее не показывает?

– У нашего заказчика подозрение, что ее вообще нет.

– То есть как это?

– А вот так, – Саша разводит руками. – Вдруг он ее вообще не пишет? Это тебе и нужно узнать.

– Есть картина или нет?

– Да.

– И все?

– Все.

– И за это мне заплатят... – я делаю вид, что ищу строку с цифрой в контракте, хотя на самом деле, конечно же, помню сумму наизусть. Я мысленно ее получила и даже потратила еще задолго до того, как узнала условия.

– Да-да... вот эту кругленькую сумму.

– Ты уверен, что все так просто?

– Милая моя, это только тебе кажется, что просто. Ян Лавинский – человек не очень общительный, я бы даже сказал, нелюдимый, грубый, местами жестокий. Ты думаешь, так просто будет найти его мастерскую и картину? Очень непросто. Кроме того, тебе нужно будет запомнить все картины, о которых наш заказчик знает, чтобы не перепутать.

– Есть какие-то гарантии, что после того, как я передам информацию, картину не украдут?

– Господи ты боже мой, да кому она нужна, Полина? В смысле – красть ее. Неповторимый стиль Лавинского знают многие, не поверят, если попробуют выдать за чью-то работу. Если уж и будут красть, то уже непосредственно после того, как он явит ее народу.

– Я могу подумать?

Саша хмурится, словно не понимает, зачем же мне с такими условиями вообще думать, но все же кивает:

– Недолго. Заказчик у нас не очень терпеливый человек.

– Я могу идти?

– Иди. И контракт прихвати.

– Зачем? Я все прочитала.

– Чтобы был, Полина. Перечитаешь, еще раз на условия и сумму посмотришь, глядишь, быстрее решение примешь.

– А как быть с теми контрактами, о которых ты мне говорил?

– О, не проблема. Заменим тебя, если решишься. Я бы на твоём месте соглашался, если нужны деньги, вряд ли съемки в ближайшее время тебе столько принесут.

Это я и сама знаю, но лишний раз подумать все же стоит. Я встаю. Аккуратно забираю со стола контракт и помещаю его в рюкзак, выхожу из агентства.

Когда-то давно папа говорил мне, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и что если мне кажется, что все слишком хорошо, стоит посмотреть по сторонам и убедиться, что никакой угрозы нет. Будучи слишком маленькой, я плохо понимала, о чем папа говорит, но теперь, кажется, понимаю. Контракт кажется мне тем самым сыром. Только вот мышеловки я пока что не вижу.

Выйдя на проспект, останавливаюсь у пешеходного перехода и жду, когда загорится зеленый. Машин почти нет. Этот участок дороги часто безлюдный, спокойный, нам для съемок – то что надо, ничего не отвлекает. Я уже собираюсь ступить на нарисованную белую полосу на асфальте, как на ее месте вырастает автомобиль. Черный тонированный седан, дверцы которого почти сразу открываются, и наружу выходит высокий и слегка перекачанный мужчина.

– Полина? – слышу свое имя, доносящееся откуда-то изнутри авто. – Сядьте в машину, у нас с вами есть разговор.

Глава 2

В машине пахнет кожей и дорогим парфюмом. А еще, совсем чуть-чуть, опасностью. Едва я сажусь в салон, узнаю мужчину, который сидит рядом, сразу же. Он был у нас в студии. Это с ним договаривался Саша. И это он, судя по всему, решил пойти в обход и поговорить со мной напрямую.

Я стараюсь не показать волнения. Держу спину прямо, коленки тщательно свожу вместе. Единственное, что выдает мою нервозность – я комкаю подол платья и никак не могу успокоиться. А еще бешеное сердцебиение. Вкупе с волнением мне кажется, что мужчина безошибочно угадывает мой страх. В какой-то момент начинаю думать, что он его чувствует. Словно волк добычу.

Кажется, я все-таки пересмотрела фэнтезийных фильмов и понемногу схожу с ума.

– Полина, я ведь не ошибся? – учтиво спрашивает мужчина.

– Не ошиблись. А вы... представитесь?

Можно было сказать, что я не говорю на английском. Притвориться дурочкой, но я ведь села в машину. Не притворилась, что не понимаю, не завопила, молча забралась в салон.

– Меня зовут Итан.

– У вас ко мне какое-то дело?

– Скорее разговор. Вам ведь передали мой контракт? – он кивает на рюкзак, который я расположила на коленях и прижала к груди.

– Передали.

– Вы уже ознакомились?

– Планировала дома.

– Почитаете, но там нет ничего из того, что вам нужно будет сделать.

– А где это есть?

– Здесь, – мужчина указывает на свою голову и смеется.

Ему кажется это безумно забавной шуткой, а я лишь слегка дергаю уголки губ вверх, потому что не смешно, а страшно. Мужчина напротив напоминает мне безумца. У него отталкивающая улыбка, слишком темный цвет глаз и почти нет морщин. Если бы не естественная седина на висках, я бы подумала, что ему едва за тридцать, но теперь думаю, он гораздо старше. Просто не пренебрегает уходовыми услугами косметологов, а может быть, и хирургов. Мне без разницы, но он меня пугает до чертиков.

– Я расскажу тебе, чего жду.

– Хорошо, но я еще не решила, приму ли ваше предложение.

– О, не сомневайся, ты его примешь.

Его голос звучит так, что я без труда определяю в интонации нотку угрозы. Он не просто уверен, что я приму предложение, он сделает для этого все возможное.

– Думаю, твой менеджер обрисовал тебе суть работы. Я расскажу, как достигнуть цели.

– В шпионаже, вы имеете в виду?

– Именно, – улыбается Итан, обнажив ряд идеально ровных белых зубов. – Видишь ли... Ян человек непростой. Мы работаем с ним не первый год, но мне никак не удастся узнать, что он рисует. Иногда мне кажется, что Ян делает из меня идиота, а я этого не люблю. Он не знает, что я в городе, и узнать не должен. Полагаю, это понятно?

– Более чем...

– Ты должна не просто устроиться уборщицей. В идеале – понравиться ему. Запасть в душу. Возможно, даже переспать с ним.

– Вам не сказали, что я не предоставляю такого рода услуги?

– Полина... – он выдыхает мое имя одновременно жестко и устало.

Тоном «не еби мне мозги, девочка». По спине прокатывается волна холода, я вздрагиваю, все еще пытаюсь сделать вид, что мне ни капли не страшно.

– Ты взрослая девочка. Я не буду заставлять тебя с ним трахаться, ты можешь достать то, что мне нужно, и без этого, но если не получится – я заплачу. Гораздо больше, чем прописано в контракте. Скажем, на пятьдесят процентов.

– Я не сказала, что не сплю за деньги. Я сказала, что не сплю совсем.

– Жаль... очень жаль. Ян привлекательный мужчина, хотя и часто невыносим. Если закрыть глаза на его недостатки, можно неплохо провести ночь, втереться в доверие. Так было бы быстрее.

– Вы спешите?

– Отнюдь.

– Я готова потерпеть и не брать деньги, если не уложусь в месяц.

Мужчина смеется. Гортанным, скрипучим смехом, от которого мурашки покрывают все тело, а сердце в груди обрывается. Мне очень хочется покинуть автомобиль. Выйти и не возвращаться. Желательно не видеть никогда ни Итана, ни контракта.

– Почему я?

– Потому что ты в его вкусе. Тебя он легко допустит к тому, что так сильно охраняет. Правда, без тела будет сложнее.

– Вы сказали Саше, что в этом нет необходимости.

– Саше не стоит знать всех подробностей.

– Я не хочу.

Дрожащими руками достаю из рюкзака контракт и протягиваю его Итану.

– Я не заинтересована в вашем предложении, простите.

Я поворачиваюсь к дверце, дергаю ручку, но понимаю, что открыть ее не могу, потому что снаружи нерушимой скалой стоит охранник.

– Скажите своему человеку, что я хочу выйти.

– Мы не договорили.

– Я не буду на вас работать! – в моем голосе впервые проскальзывают истеричные нотки.

В носу начинает щипать, а ладони покалывает от волнения и страха. Меня не выпускают из машины. Никто не знает, где я, почему не вернулась домой. Впрочем, даже там меня никто не ждет. Мама лежит в больнице. На днях ей стало намного хуже, и врач настоял на госпитализации. Через сколько дней, если что, забудут тревогу и заметят мою пропажу? Новая съемка, если не ошибаюсь, через три дня, но я не уверена, что Саша будет обращаться в полицию.

– Давайте договоримся, Полина. Я даю денег – вы выполняете работу. Меня не интересует, что вы будете делать в его доме. Мне важен результат. У вас полная свобода действий.

– А если не получится?

– Постарайтесь, чтобы получилось. Я очень не люблю расстраиваться.

– Теперь вы позволите мне уйти?

– Я бы мог подвезти вас. Хотите?

– Нет!

Итан снова смеется. И снова до мурашек на моей коже.

– Ты упрямая. Дерзкая. Яну понравится.

Я дергаю ручку двери, толкаю ее, упираясь в ноги охранника.

– Не советую делать глупостей. Уверен, мы договоримся, хотя вам может казаться иначе. Я буду ждать вас здесь через два дня. С подписанным экземпляром обоих контрактов.

– Обоих?

Я поворачиваюсь, мужчина протягивает мне еще листочки.

– Второй. Тоже ничего серьезного, но он вам понравится цифрами.

Я забираю листы и наконец выхожу из машины. Дышать становится легче, плечи непроизвольно расправляются. Я больше не нахожусь под гнетом темных глаз и не чувствую себя бабочкой, над которой ставят эксперименты.

– У вас два дня, Полина, – летит мне в спину.

Глава 3

Дом Яна Лавинского поражает своей простотой. Пока я пыталась смириться с тем, что скоро у меня будет новая работа, искала о нем информацию – и нашла много чего. Прочла биографию на нескольких сайтах. Она почти не отличается, но я все равно читала. С интересом графу «личная жизнь». Не понимаю зачем. Наверное, чтобы убедиться, что он меня не захочет? Как заказчик заставит, если клиент пойдет в отказ?

Никак.

Все должно было быть просто. Но о личной жизни Яна Лавинского не знает никто, кроме желтой прессы, которая пишет откровенную чушь. Вплоть до того, что Лавинский вообще девушек не жалует. Я была готова за это зацепиться, но мне не верится. Я «этих» иначе себе представляю. Уж точно не так, как выглядит художник. Да и его партнеру верю больше. Куда больше, чем статейкам на сомнительных сайтах.

Но все же узнала я достаточно. Возраст, состояние, количество написанных картин и их стоимость, от которой перед глазами темнеет. Это ж сколько денег... Много, слишком много. Я не думала, что такие молодые художники могут так зарабатывать. И ведь ничего особенного в его картинах нет. Я не нашла, хотя пыталась.

И вот я стою перед его жилищем. Смотрю на двухэтажный современный дом, выстроенный из светлого кирпича, с темным цоколем и колоннами и думаю о том, что ожидала больше помпезности. Возможно, она внутри, но и там меня ждет удивление.

На пороге меня встречает милая женщина лет пятидесяти. Она представляется Алевтиной Викторовной – главной управляющей. На работу меня уже взяли. Через агентство, как полагается, оформили. Сказали, что здесь все расскажут. И действительно, Алевтина Викторовна водит меня по дому, показывает, тараторит без умолку о моих обязанностях, а я не перестаю удивляться все той же простоте.

Минимализм. Никаких произведений современного искусства, дорогуших ваз или статуэток такой стоимости, что мне вовек не отработать даже с такой большой зарплатой. Ничего. Стильно, без излишеств, со вкусом. Мне нравится. Работать здесь будет в удовольствие, хотя я прекрасно помню, зачем пришла.

– У нас коллектив дружный, все свои. Я тебя позже познакомлю. У нас будет перерыв, соберемся на кухне, поговорим.

– Много здесь... сотрудников?

– Садовник, повар, с тобой три домработницы. Была еще помощница, но сейчас это место вакантно. Ян Вениаминович ищет и, насколько я знаю, пока еще никого не взял. Ох, я забыла... Есть еще охрана. Но парни сами себе на уме, мы их почти не видим, с ними не сталкиваемся. Они отвечают за безопасность дома, просматривают камеры, следят за периметром и сопровождают хозяина, когда он выбирается из дома. Есть еще водитель, да... вроде бы всех назвала.

Оказывается, немного, но и дом не сказать чтобы слишком большой. На первом этаже огромная гостиная, кухня, столовая, пара комнат для хранения инвентаря, коридор, терраса с выходом в сад. Пожалуй, именно сад в этом доме стоит баснословных денег, потому что там, кажется, растет все, что можно и нельзя. Там безумно красиво, я бы хотела там побывать, если выдастся свободная минутка, и все тщательнее рассмотреть.

– На цокольном этаже у нас тренажерный зал, бассейн, бильярдная, парная... Есть комната для покера, но ее уже давно не открывали. Мы периодически там убираем, вытряхиваем пыль, но она не используется.

Мы быстро проходимся по цокольному этажу, заглядываем во все названные комнаты. Они стильные, дорогие, но опять-таки – простые. Без помпезности и дорогой показухи. Видимо, Яну Лавинскому нет необходимости утверждаться за счет материального. Впрочем...

я помню цену его последней картины. Сомневаюсь, что Лавинский вообще знает слово «утверждаться». Он свое слово давно сказал. Вернее, написал. Показал себя с выгодной стороны, заявил о себе миру. Мастерски, по-настоящему. Я не понимаю в живописи, но критики его хвалят, женщины его обожают, а художники видят в нем недостижимую вершину.

– На втором этаже у нас пять спален и кабинет хозяина, – рассказывает управляющая, пока поднимаемся по лестнице. – Он обычно там встречается со своими деловыми партнерами и братом. По лестнице, ведущей вверх, мы не ходим.

– А что там?

– Там мастерская.

Мы как раз останавливаемся у этой самой лестницы. Заглядываю наверх и сталкиваюсь с темнотой. Кромешной. Хотя и на втором этаже преобладают приглушенные тона. Я бы даже сказала, темные. Для меня – слишком.

– В этом доме только два правила, – наставляет управляющая. – Не попадаться хозяину на глаза. И никогда не входить в его рабочую мастерскую.

– А как же... ее убирать?

– Никак. В мастерскую вхож только он. Без исключений. Это понятно?

– Понятно.

Молниеносно меня отшвыривают в моих мечтах все закончить быстро. В мастерскую вхож только он, по всему периметру дома расставлены камеры, а Лавинскому нельзя попадаться на глаза. Связи с заказчиком у меня нет, что сейчас расстраивает, потому что очень сильно хочется позвонить и спросить, каким чудом я должна была упасть в постель к Яну, если он видеть таких, как я, не желает?

– А почему не попадаться хозяину на глаза?

Алевтина Викторовна смотрит на меня, как на прокаженную.

– Он не жалуется обществу. Прислуги – тем более. Мы для него просто персонал, который делает его жизнь чуточку легче.

«Куда уж легче?» – думается мне, но вслух я этого, конечно же, не произношу.

– Мы стараемся лишний раз с ним не общаться и перед ним не появляться. Накрываем на стол в строго обусловленное время и уходим, пока хозяин ужинает.

– А убирать как? Или хозяин изволит ходить с колокольчиком?

От этой картины мне становится смешно. Стоит представить Лавинского с колокольчиком на шее, как я не могу сдержаться. Правда, Алевтина Викторовна моей радости не разделяет:

– Глупостей не говори. Конечно, бывает, что мы пересекаемся, но если заходим в комнату, а там он – просим прощения и ретируемся. Идем в другое место, а туда возвращаемся позже. Это понятно?

– Понятно.

– Тогда давай приступать.

Глава 4

Работа оказалась несложной. Я быстро знакомлюсь с остальными. Нам выпадает перерыв, во время которого мы собираемся на кухне и болтаем. Садовник с нами не остается, очень быстро ретируется. Ему неинтересно. Он единственный мужчина в коллективе. Есть еще охранники, но, как и сказала Алевтина Викторовна – они в доме не появляются. У них своя зона, за пределы которой они не выходят.

Закончив с перерывом, мы идем работать. Уборка занимает большую часть времени, так как хозяин, как выяснилось, следит за своим здоровьем и требует, чтобы пыль протирали ежедневно и практически во всем доме. Особое внимание уделяем тренажерному залу и бассейну. Первому, потому что Лавинский любит по утрам заниматься спортом и дышать, конечно же, не пылью. А второму, чтобы не было грибка, который очень часто возникает в помещении с повышенной влажностью.

До вечера работаем в поте лица и ни разу не видим хозяина. Я, признаться, даже не слышала, чтобы где-то открывались двери. Может быть, они отлично смазаны и открываются бесшумно, но все равно это очень странно. Такое ощущение, что мы работаем на привидение, которое ходит сквозь стены.

– Часто вы видите хозяина? – спрашиваю у Яны.

Она во время беседы на кухне показала мне самой разговорчивой. Она примерно моего возраста, веселая и улыбчивая. Вот и сейчас смеется, мотает головой.

– Я ни разу его не видела.

– Недавно устроилась?

– Три месяца как...

У меня от удивления глаза становятся размером с монету. Теперь понятно, что слова управляющей «не попадаться на глаза» не шутка. Прислуга и правда с верхушкой не встречается?

– А я видела, – говорит Алиса.

Она чуть постарше. Ей около тридцати. У нее дома маленькая дочка, которую она обеспечивает и поднимает на ноги сама.

– И какой он? – почти в один голос спрашиваем с Яной.

Пока управляющая не слышит – можно ведь поболтать?

Очень хочется посплетничать, узнать о Яне что-нибудь еще кроме официальной информации. Что-нибудь эдакое. Секрет!

– Обычный, – пожимает плечами Алиса. – Как с обложки журнала, но обычный мужчина. Мне поначалу казалось, что его не существует, и мы просто убираем пустой дом, но потом я его увидела.

– И-и-и? – не выдерживает Яна. – Это все?

– Я не знаю, что вам рассказать, – смеется Алиса.

– Какой он? Внешне. Во что одет, как разговаривает? – не унимается Яна.

– Обычный. Мужчина. Безумно красивый. Ну вы же видели фото в интернете? Вот такой он. Копия. Ни капли не отличается от фотографий. Правда, одет не в пиджаки и костюмы, один раз он был в пижаме, а второй – в халате. Простой, не заносчивый, как мне показалось. Со мной даже поздоровался.

– И какой у него голос?

– Да какой... Как у всех.

– Баритон, звонкий или низкий? – Яну понесло.

Она даже от работы отвлекается, бросает тряпку, слушает с открытым ртом. Мне тоже интересно, хотя голос Лавинского я слышала уже. В интервью. Но вживую бы тоже не отказалась. О том, зачем мне это вообще надо, стараюсь не думать.

– Да ну вас, – отмахивается Алиса. – Вот идите поищите его и сами узнаете. Откуда я знаю баритоны эти ваши?

Работа под хороший разговор идет веселее, быстрее и качественнее. Мы могли бы делиться по комнатам, но вместе работать легче, хотя на втором этаже приходится. Управляющая меня сразу предупредила, что там разговоры не прокатят. «Хозяин не любит смех, а я вас знаю».

Не любит смех...

То, что я узнаю тут о Лавинском, идет вразрез с тем, что я читала в сети. Там он – современный богатый художник, настоящий секс-символ, желанный женщинами, мастер кисти. Он вообще идеал, если так читать. Толпы женщин признавались ему в любви, хотя он личность не медийная. Роликов с ним очень мало. И все равно их хватило, чтобы женщинам вскружить голову.

Тишина на втором этаже давит. Я захожу в комнату, прикрываю дверь. Поднимаю голову и тут же вижу под потолком несколько камер. Я привыкла к тому, что меня постоянно снимают, но я обычно в эти моменты позирую, а не бегая со шваброй и тряпкой. К новой реальности привыкается с трудом. А еще я не знаю, как все же доберусь до мастерской. В том, что мне именно туда нужно, не сомневаюсь. Мы были сегодня везде – и нигде, ни в одной комнате нет картин. Никаких, не только работ самого хозяина.

За размышлениями заканчиваю уборку. Протираю последние поверхности, смотрю на проделанную работу и остаюсь собой довольна. Когда выхожу, взгляд непроизвольно соскальзывает к лестнице. Мне туда надо. Очень. И легче попасть сегодня, когда я еще могу прикинуться дурочкой. Завтра и все последующие дни будет сложнее. Хотя... если мне удастся увидеть то, что мне нужно, сегодня, то завтра может и не понадобится.

Я кручусь по коридору, как ненормальная. Уверена, если кто-то сидит у камер, думает, что я не в себе. Не удивлюсь, если сюда уже кто-то идет, чтобы спросить, что с новой домработницей не так.

– Полина! – зовет меня Алиса. – Идем... пора на стол накрывать. Уборку уже закончили. Вот так, пока я убирала одну комнату, девочки закончили с двумя.

Мы спешно спускаемся вниз. Помогаем повару накрыть на стол, раскладываем столовые приборы, застилаем скатерть. Я не перестаю удивляться привычкам Лавинского. И они снова идут вразрез с тем, что я узнала.

На столе стоят подсвечники со свечами, которые Алевтина Викторовна приказала зажечь в последнюю очередь. И сложенные в узоры салфетки меня удивляют. Все это совершенно не соответствует тому, что я о нем знаю. Впрочем, кто сказал, что в сети написано хоть слово правды?

– Все? – спрашивает Алиса, глядя на стол.

– Только свечи зажечь.

– Идем тогда. Зажги, Полинка.

Я киваю. Ищу спички, но их нигде нет. Бегу на кухню, чтобы спросить у девочек, но их и след простыл. Я быстро обшариваю ящики и нахожу наконец спички. Бегу в столовую, зажигаю. Одна никак не хочет разгораться, приходится над ней постоять.

То, что я уже не одна, понимаю слишком поздно. За спиной слышатся шаги. Тело будто парализует. С огромным трудом удастся поднять голову и, расправив спину, повернуться, стелкаясь со взглядом глаз цвета грозового неба. Именно такого. Не серого, не темно-синего. Оттенок его глазам я подобрала еще дома, рассматривая его фотографии. Сейчас остается

только констатировать. И в ужасе попятиться назад, потому что если проникнуть в мастерскую – задача в ряду первых, то сталкиваться с Лавинским я ни разу не планировала.

Глава 5

– Простите, – поспешно выдаю и немедленно шагаю к выходу из кухни, когда слышу в спину недовольное:

– Стоять!

Издав мерзкий скрипучий звук подошвами удобных кроссовок, торможу и медленно поворачиваюсь.

– Одна свеча не зажжена, – сухо констатирует.

– Простите... – поспешно отвечаю и снова подхожу к столу.

Лавинский, стоит заметить, не сдвигается ни на шаг. Где остановился, там и стоит. Мне бы хотелось украдкой на него взглянуть, но сталкиваться с его взглядом не хочется. А в том, что его взгляд сосредоточен на мне, уверена, потому что чувствую себя неуютно.

– Нужно ее заменить, – говорю с сожалением и забираю подсвечник. – Что-то не так со свечой, не зажигается. Я поищу на кухне другую и принесу ее, хорошо?

Вот теперь у меня вроде как есть причина посмотреть в сторону странного хозяина этого дома.

– Давай, – кивает на дверь кухни.

Я быстро даю деру из столовой. Ищу свечи, но так как работаю здесь первый день, то понятия не имею, где они лежат. И девчонок нет. Вообще никого. Они точно правду мне рассказали о Лавинском? Может, он питается кровью несчастных сотрудниц, и поэтому они все так рьяно его боятся и стараются не попадаться на глаза? Иначе как объяснить то, что я не слышу ни звука? Словно и сам Ян в столовой замер.

– Да где же они?

– Не можешь найти свечи? – звучит глухое за спиной.

Я подпрыгиваю на месте, задеваю открытый ящик со столовыми приборами. Наделав шуму, с грохотом его захлопываю и оборачиваюсь.

– Не могу. Первый день работаю, а все куда-то запропастились.

Лавинский усмехается и надвигается на меня. Останавливается в метре справа и кивает на самую верхнюю полку.

– Они там.

И смотрит на меня.

Я при всем желании туда не дотянусь, но он, судя по молчаливому ожиданию, облегчать мне задачу не планирует. Ждет.

Все, наверное, получается хуже некуда. Я тут первый день. Сначала не смогла зажечь свечу, потом найти ее, а теперь и достать. За такое увольняют?

Хватаю табуретку, ставлю ее перед тумбочкой и молчаливо смотрю на Лавинского, потому что он, несмотря на то что я втиснулась между ним и тумбой, отходить явно не планирует. Стоит, ждет, когда я заберусь и достану эту чертову свечу.

– Не отойдете? – спрашиваю, посылая к черту вежливость и наставления главной.

– Нет, – следует холодный ответ.

Прекрасно.

Кое-как взбираюсь на табуретку, одергиваю выданную униформу и открываю створки. Ищу свечу, но нигде ее не вижу.

– Нет? – звучит позади.

– Нет.

– Я, наверное, перепутал. В соседней посмотри. Слева.

До дверцы дотягиваюсь, а вот посмотреть, есть ли там свечи, отсюда не могу. Собираюсь слезть, чтобы не свалиться, но неожиданно лечу вниз. Вскрикнув, приземляюсь аккурат в руки

Лавинского. Вблизи рассматриваю его идеально ровный тон кожи, в меру пухлые губы и квадратный подбородок, к которому неожиданно хочется прикоснуться.

Бесцеремонно спихнув меня на пол, отходит.

– Можно без свечи, – бросает недовольно. – В следующий раз чтобы поставили.

– Конечно.

Едва он выходит из кухни, а из столовой раздаются характерные звуки использования столовых приборов, я выдыхаю и совершенно обескураженная оседаю на табуретку. У Лавинского тяжелая, я бы даже сказала, давящая энергетика, пробирающая до костей.

– Полина... – звучит откуда-то шепот.

Я осматриваюсь, вижу макушку Алисы, которая заглядывает со стороны другого входа.

– Ты чего тут сидишь? Идем к нам.

Я быстро подрываюсь, ставлю табуретку на место и бегу за Алиской. Остаться на кухне, где меня в любой момент может найти хозяин – чревато.

– Ты почему задержалась? – интересуется Алевтина Викторовна.

– Свечка никак не зажигалась, и я новую искала.

– Нашла?

– Не-а. Ян Вениаминович, видимо, забыл, где свечи находятся.

Три пары глаз смотрят на меня удивленно и растерянно.

– Ты у него спрашивала? – охает Алевтина Викторовна и хватается за сердце.

Женщина резко бледнеет, хочет что-то сказать, но кроме нечленораздельных звуков ничего не может произнести.

– Он сам на кухню зашел, – пожимаю плечами. – И сказал, что свечи в шкафчике сверху.

– Сам зашел?! – не верит управляющая. – Ему-то откуда знать, где свечи, он на кухне вовек не бывал!

– Вот же... – осекаюсь, вдруг понимая, что нахожусь в компании других сотрудниц, которых знаю плохо.

Если обматерить сейчас хозяина, где гарантия, что кто-нибудь ему не доложит, и меня отсюда не попрут? Нет гарантий! Так что я замолкаю и прописываю сразу несколько пунктов в графе «Недостатки хозяина»: отсутствие чувства юмора и надменность. В графе «Достоинства» по-прежнему только один пункт: чертовски красив.

– Ты единственная, с кем поговорил хозяин за это время! – восклицает Яна. – Злился?

Скорее, издевался, но вслух говорю другое:

– Нет, вполне нормально общался.

– Ох, деточка... – сетует Алевтина Викторовна. – Лишь бы с работы за осечку не попер.

– А может?

– Все может, – откровенничает Яна. – Пару месяцев назад он уволил новенькую только за то, что она не поздоровалась с ним, когда столкнулась. А она растерялась просто.

– Яна! – одергивает ее управляющая, явно недовольная такими откровениями. – Не делайте из Яна Вениаминовича монстра, а то я сама настою на вашем увольнении.

Мы замолкаем и через полчаса идем убирать со стола.

– Алевтина Викторовна правда может поспособствовать нашему увольнению? – обращаюсь по-прежнему к Яне. Алиса тоже неплохая, может поговорить, но гораздо менее откровенная, нежели Яна. А мне нужна информация. Много.

– Ой ли... – отмахивается она. – Ничего она не может! Такая же близкая к хозяину, как и мы.

– А вот и нет, Яна, – встревает Алиса, услышав наш разговор. – Алевтина Викторовна тут дольше всех работает, и с хозяином у них довольно теплые отношения.

– Разве? – с сомнением тянет Яна. – Я что-то ни разу не видела их хотя бы разговаривающими друг с другом.

– Не видела, значит, не о чем им было разговаривать, но вы языки свои при ней держите за зубами. Она очень любит хозяина и за любой проступок сама вас отсюда турнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.